

Каждый народ, благодаря изучению языка других народов, сам духовно обогащается, постигая культуру этого народа через язык.

Поэзия – предел человеческих возможностей. Поэзию объяснить невозможно. Это дается свыше. Самый высокий дар – чувствопонимание. А чувствопонимание и есть поэзия.

Постижение поэзии, изучение и совершенствование языка через поэзию – пример для тех, кто мыслит шире своих горизонтов, одаривая нас светом и теплом.

«Никто, зажегши свечу,
Не ставит ее в сокровенном месте,
Ни под сосудом, но на подсвечнике,
Чтобы входящие видели свет».

ДИНАМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕННОКА ГОРОДА И СЕЛА

Т.В. Скребнева

К концу XX – началу XXI в. в связи с проникновением в ономастику антропологической парадигмы языкознания в число приоритетных выдвигается социолингвистический аспект ономастических исследований.

Целью данной работы является определение особенностей динамики современного антропонимикона Витебщины в рамках традиционной для социолингвистики оппозиции «город – деревня».

Материалом для исследования послужили имена новорожденных г. Витебска и Витебского района за 1941–44 – 1994 гг., собранные на шести контрольных срезах с интервалом в десять лет (общее количество проанализированных актов записей о рождении – 21 760).

Реальная ономастическая ситуация, сложившаяся на Витебщине во 2-й половине XX в., убедительно иллюстрирует тезис о доминантности города в процессе моделирования культурного пространства: сельский именник тяготеет к качественному сближению с городским. В частности, в период оккупации (1941–44 гг.) на долю общих имен в мужской подсистеме антропонимикона жителей г. Витебска и Витебского района приходится 27 единиц, что составляет 41,53% городского и 62,79% сельского именного репертуара (минимальный уровень во 2-й половине XX в.). Удельный вес группы общих имен в номинативной среде города (1954 г. – 56,45%, 1964 г. – 56,06%, 1974 г. – 59,32%, 1984 г. – 55,88%, 1994 г. – 55,84%) существенно уступает показателям по селу, которые в годы брежневского «застоя» (срез 1974 г.) достигают абсолютного максимума (100%) и держатся на этой планке вплоть до начала «перестройки». Некоторое сокращение части общих мужских имен в сельском антропонимиконе приходится на конец 80-х – начало 90-х гг. (1994 г. – 91,48%) и расценивается нами как положительный факт, свидетельствующий о расширении и обновлении ассортимента имен в Витебском районе.

Специфика амплитуды колебаний удельного веса одинаковых имен в женской подсистеме именослова Витебщины заключается в том, что минимальный его уровень наблюдается не в 40 – 50-х гг., а в последнем десятилетии XX в. (1994 г. г. Витебск – 36,36%, Витебский район – 78,26%).

Как правило, проникновение в активный антропонимный фонд села ряда традиционных единиц отстает от их актуализации в городе на 10 – 20 лет: так, на десятилетие позже в именослове Витебского района зафиксированы имена Андрей, Валентин, Вячеслав, Евгений, Константин, Олег, Семён, Станислав, Юрий, Ирина – с 1954 г.; Марина – с 1964 г.; Артур, Илья, Анжелика – с 1974 г. и др., двумя десятками лет позже – Вадим, Игорь, Диана (1964 г.), Виктория (1974 г.), Антон (1984 г.), Карина и Снежана (1994 г.). Случаи, когда сельский антропонимикон опережает городской по времени проникновения в него личных именованных, единичны: Никита (г. Витебск – 1964 г., Витебский район – 1944 г.), Степан (соответственно 1964 г. / 1954 г.), Алиса (1964 г. / 1944 г.), Оксана (1964 г. / 1954 г.).

Именник города превосходит именник села не только в качественном, но и в количественном отношении, причем количественный дисбаланс между именными репертуарами г. Витебска и Витебского района на протяжении 2-й половины XX в. возрастает. Максимальное расхождение между численным составом сельского и городского антропонимиконов приходится на 90-е гг. для женской подсистемы (в г. Витебске зарегистрировано на 53 имени больше по сравнению с Витебским районом), на 80 – 90-е гг. – для мужской (разрыв в пользу города составил 30 имен). Женская подсистема городского антропонимикона по отношению к мужской проявляет большее, чем в селе, стремление к разноименности: разрыв между суммой мужских и женских именованных в г. Витебске на протяжении 1974 – 1994 гг. неуклонно увеличивается (1974 г. – 13 единиц, 1984 г. – 15, 1994 г. – 22), тогда как в Витебском районе он практически сводится на нет (1974 г. – 9 единиц, 1984 – 3, 1994 – 1). Наблюдение за динамикой среднего коэффициента

одноименности (далее – СКО) показывает, что направленность тенденции к концентрации на определенных исторических этапах в городе и селе аналогична, основное различие же кроется в том, что, во-первых, снижение концентрации в селе отмечено на десятилетие раньше (в 1974 г., г. Витебск – с 1984 г.), а во-вторых, изменяющиеся показатели СКО в мужской и женской частях антропонимной системы Витебского района в конце XX в. «зеркально» повторяют друг друга. Так, в 1974 г. СКО мужского имени в Витебском районе равен 8 единицам, женского – 7, в 1984 г. соответственно 7 / 7, 1994 – 4 / 4.

Как известно, характер именослова любого региона в значительной степени определяется десяткой самых употребительных имен, обслуживающей обычно более половины всех именованных. Статистика обнаруживает полное совпадение в городе и селе абсолютных лидеров мужского антропонимного фонда. Зачастую конкретное имя, располагающееся на периферии сельского антропонимикона, под влиянием его повышенной популярности в городе стремительно выдвигается в фавориты, например, *Александр* (1941-44 гг. г. Витебск – 3-й ранг, Витебский район – 7-й; 1954 г. г. Витебск, Витебский район – 1-й ранг), *Сергей* (1954-й г. – 4-й / 10-й; 1964 г. г. Витебск, Витебский район – 1-й), *Андрей* (1964 г. 7-й ранг / не входило в первую десятку; 1974 г. – 3-й / 2-й) и др. В Витебском районе тенденцию к более широкому распространению обнаруживают антропонимы *Иван* (1941-44 гг. – 3-й ранг, 1964 и 1974 гг. – 9-й; 1994 г. – 8-й; г. Витебск 1941-44 гг. – 10-й ранг), *Василий* (1941 – 1974 гг. – в составе 2-й пятерки; в г. Витебске не входило в число десяти самых частотных имен), *Николай* (в составе десятки на протяжении 40 – 90-х гг.; г. Витебск – только в 40 – 50-е гг.), *Виктор* (в Витебске отличается повышенной популярностью в 40 – 60-х гг., а в Витебском районе – вплоть до 1994 г., выходя за пределы первой десятки лишь в 80-х гг.) и др.

Сопоставление наборов женских десятков городского и сельского именников показывает, что на разных этапах в селе повышенной употребительностью отличались имена *Вера* (Витебский район 1944 г. – 5-й ранг, 1954 – 1974 гг. – 9-й; г. Витебск 1941-44 гг. – 8-й), *Любовь* (Витебский район 1944 – 1974 гг. – входит во вторую пятерку; г. Витебск 1941 – 44 гг. – 9-й ранг), *Надежда* (Витебский район 1944 – 1954 гг. – 4-й ранг, 1974 – 1984 – 9-й; г. Витебск 1941– 44 гг. – 6-й, 1954 г. – 10-й), *Раиса* (1944 – 1954 гг. – 6-й / не входило) и др. Наибольшие различия в корпусе самых частотных антропонимов г. Витебска и Витебского района отмечены в 40-е и 90-е гг. XX в., когда в состав женской десятки в селе входило соответственно 23 / 19 антропонимных единиц, а применительно к мужскому именослову на срезе 1994 г. следует говорить о девятке (21 единица), закрывающей список популярных именованных.

Таким образом, при сходстве тенденций функционирования городской и сельской именословы отличаются различной их реализацией. Именник деревни вбирает в себя всё то, что становится характерным по мере эволюции для городской среды, не утрачивая при этом своей специфики, проявляющейся как на уровне его статистической организации (незначительная по сравнению с городом диспропорция количественного состава и показателей концентрации женской и мужской подсистем именинника и др.), так и в темпах динамики.

ВІЦЕБШЧЫНА Ў МЕМУАРАХ: НЕКАЛЬКІ СЛОЎ ПРА “ДЫЯРЫЎШ” Я.А. ХРАПАВІЦКАГА

В.У. Таранеўскі

Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі падае звесткі толькі пра аднаго Храпавіцкага-Ігната Яўстахавіча (31.7.18XVII – 25.12.1893), беларускага фалькларыста і грамадскага дзеяча, але зусім не ўпамінае віцебскага ваяводу, мемуарыста Я.А.Храпавіцкага і яго нашчадкаў, хаця сярод іх былі знаныя людзі: кашталіны, старасты, войскія, каралеўскія сакратары. Некаторыя з іх пасля апошняга падзелу Рэчы Паспалітай, як, напрыклад, Аляксандр Васільевіч Храпавіцкі (XVII49 – 1801), статс-сакратар імператрыцы Кацярыны II, верна служылі Расіі.

“Дыярыўш” віцебскага ваяводы без агаворкі можна назваць творам усяго яго жыцця і “каралеўскім” як па аб’ёме, так і па насычанасці інфармацыяй, якая датычыцца асобы самога аўтара і тагачаснага грамадства. Храпавіцкі, урэшце, свой “Дыярыўш” называе “прыватным”: “Дыярыўш прыватны, год 1660. Пачаў я, выехаўшы перад Масквою з Андрыянак, у вёсцы Клопатава, у зямлі Драгічынскай, сапраўды ў клопатах”. Або “Дыярыўш прыватны, год 1663, які пачаў я яшчэ ў выгнанні, у дарозе, едучы ў Пуні, у Трокскае ваяводства. Дай, Божа, закончыць яго ў парогах Айчыны”. Ці “Дыярыўш прыватны, год 1664, які, дай, Божа, каб быў шчаслівей за мінулы. Пачаў я ў дарозе, едучы на маскоўскую камісію” (2). Гэтыя загаловкі, арыгінальнага паходжання, падказваюць нам, што Я.Храпавіцкі вазіў з сабой запісную кніжку, у якой рэгулярна рабіў запісы пра